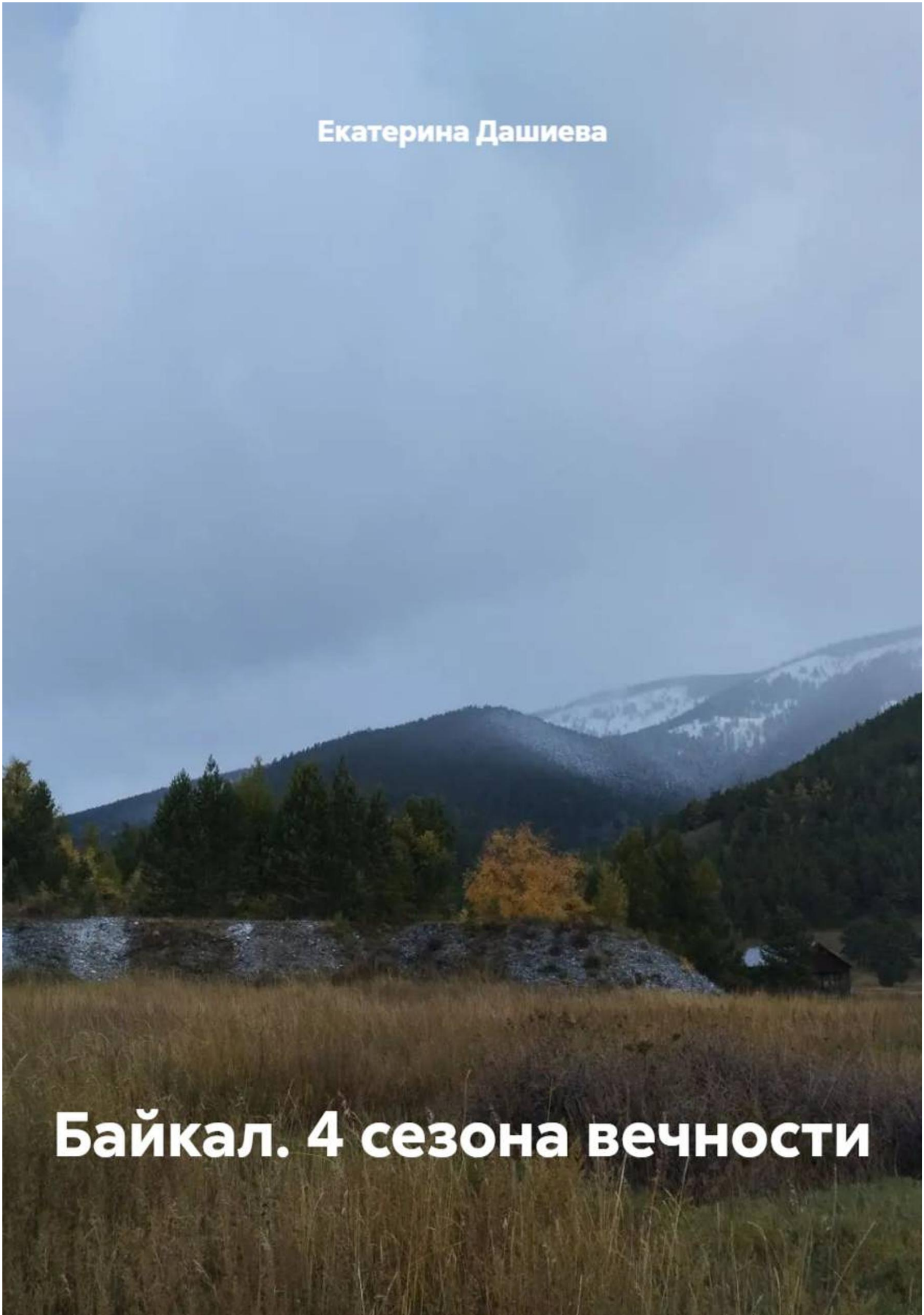
Екатерина Дашиева

Байкал. 4 сезона вечности

Екатерина Дашиева

Байкал. 4 сезона вечности

«Автор»
2026

Дашиева Е.

Байкал. 4 сезона вечности / Е. Дашиева — «Автор», 2026

Эта книга — письма к сыну. О том, как меняется мыс Кадильный на Байкале: как он дышит в апреле, смеётся в июле, засыпает под первым снегом октября. Четыре сезона, четыре камня — хрусталь, изумруд, сапфир, янтарь. И тишина, которая звучит громче любых слов.Это не путеводитель и не научный труд. Это попытка сохранить для ребёнка место, которое стало домом. Рассказать ему о любви, о времени и о том, что вечность — не в бесконечности дней, а в мгновениях.Для тех, кто любит Байкал. И для тех, кто пишет письма своим детям.

© Дашиева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Байкал. 4 сезона вечности. 5
ЗИМА. Царство хрусталя 6
ВЕСНА. Лёд, ставший дыханием 8
Март. Первый вздох Кадильного. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Екатерина Дашиева
Байкал. 4 сезона вечности

Байкал. 4 сезона вечности.

Дорогой Артём,

эту книгу мы писали для тебя, наш родной. Мы так редко бывали рядом, когда ты взрослел — но зато теперь можем рассказать тебе, как меняется наш мыс. Как он дышит в апреле, как смеётся в июле, как засыпает под первым снегом в октябре. Пусть эти страницы станут нашими письмами к тебе.

С нетерпением ждём тебя всегда. С любовью, твои папа и мама.

ЗИМА. Царство хрусталя

Байкал замер. Словно великан, уставший от осенних бурь, он лёг под одеяло льда, прозрачного, как слеза. Солнце, низкое и холодное, играло в его толще лучами, вырезая на поверхности причудливые узоры — синие прожилки трещин, пузырьки воздуха, застывшие в вечном полёте. Где-то далеко, в глубине, спала нерпа, свернувшись в тёплый клубок, её дыхание замедлялось, словно в согласии с ритмом спящего озера. Мыс Кадильный был молчаливым стражем. Его берег, ровный и пологий, уходил под лёд плавными волнами, лишь кое-где прерываясь небольшими обрывами, припорошенными снегом. Ветер гулял по открытой глади, выдувая из трещин тонкие, как свист, мелодии. Лёд у кромки мыса был толще, чем в других местах — будто сама земля пыталась удержать холод, не отпуская его в глубины.

Иногда вечерами, когда солнце клонилось к Прибайкальскому хребту, Кадильный загорался огнём. Не грубым пламенем — тонкими переливами: розовый, словно лепестки шиповника, упавшие на снег; красный — как рубиновый отсвет на гранях льда; бордовый — глубина теней у обрывов, будто само озеро впитывало закат, чтобы хранить его до весны. Эти краски жили недолго, минут десять, не больше. Потом солнце скрывалось за зубчатым краем хребта, и Байкал резко серел, будто выдыхая цвет. Но даже этого хватало, чтобы лёд у мыса стал витражом — трещины, пузырьки, торосы преломляли свет, превращая Кадильный в кристаллический алтарь.

А потом наступали ночи, когда ветер затихал. Луна, круглая и бесстрастная, висела над равниной, заливая её синеватым светом. Её отражение дробилось во льду, превращаясь в тысячи лунных зайчиков, а вокруг, от края до края небосвода, рассыпались звёзды. Не просто огоньки — целые миры: Млечный Путь струился серебристой рекой, Большая Медведица черпала свет из ледяной чаши Байкала, а Орион, страж вечности, замер над горизонтом, его звёздный пояс перекликался с трещинами на льду.

К февралю лёд покрывался торосами. У мыса они вздымались особенно высоко — будто Байкал выставил баррикады против весны. Но даже в этом царстве холода жизнь бурлила: рысь обходила свои владения — её следы, чёткие и одинокие, тянулись вдоль льда. Волки шли вперёд — их следы, прямые и тяжёлые, терялись среди деревьев. Изюбрь величаво шагал по снегу — глубокие чаши его копыт оставались на опушке леса. Косуля метнулась через поляну — её лёгкие следы петляли, будто пытались запутать преследователей. А ближе к кромке леса следы сплетались в вихрь: соболь гнался за полевкой. Их пути выписывали на снегу яростный танец — резкие петли, зигзаги, взметённые сугробы. У старого дерева с корнями-великанами история оборвалась: пучок серой шерсти лежал на снегу, а следы хищника, уверенные и быстрые, вели обратно в чащу. Хищник победил. Но ветер уже разглаживал снег, будто стирая эту малую драму из зимней летописи.

Рассвет. Хамар-Дабан просыпается первым. Ещё ночь цеплялась за склоны хребта сизыми когтями, но восток уже тлел рубиновой каймой. Байкал лежал неподвижно, как зачарованный, а лёд у мыса начал шептаться с первым светом: трещины, ночью чёрные, вспыхивали медью, пузыри воздуха — янтарём. Кадильный встретил утро молчанием. Только ветер, спускаясь с хребта, задевал торосы, и лёд пел тонким звоном, как хрустальный колокольчик. Но даже этот звук растворялся в тишине — глубокой, бескрайней, как само озеро. День вставал на цыпочки. Тени укорачивались, Байкал синел, а Хамар-Дабан, сбросив розовый плащ, оделся в белоснежные одеяния — снежные шапки на его вершинах сливались с небом, как облака,

прикованные к земле. Пузыри во льду, будто застывшие вздохи земли, светились изнутри, а трещины рисовали карту забытых путей.

Здесь не было места суете. Только лёд, горы, следы — и тишина, которая звучала громче любых слов. Байкал, как древний мудрец, хранил свои тайны. И даже февральские ветра, вывшие о скорой весне, не могли нарушить этот покой. Он знал: трещины у Кадильного скоро наполнятся водой, и лёд, как страница, перевернётся. Но это будет уже другая история.

ВЕСНА. Лёд, ставший дыханием

Март. Первый вздох Кадильного.

Прибайкальский хребет, как спящий исполин, протянул к Байкалу заснеженные склоны. Солнце, робкое и низкое, лишь изредка выглядывало из-за туч, освещая равнину бледным светом. Его лучи, ещё слабые, скользили по снегу, который уже потерял зимнюю пушистость, став мокрым и тяжёлым, словно промокшая вата. Кадильный первым принял весну. Здесь, у подножия хребта, снег лишь местами подтаивал, обнажая прошлогоднюю траву — жёсткую, спутанную, бурую, как грива степного коня. Между камнями лишайники — серые и оранжевые, словно выцветшие краски — упорно ждали тепла, медленно оттаивая в редких проталинах.

Март играл с природой в прятки. То налетали метели — бешеные, с мокрым снегом, что слепил глаза и засыпал трещины. То, словно передумав, разрывал тучи, и солнце, хоть ненадолго, превращало снег в хрустальные лужи. Лёд, ещё крепкий и непреклонный, лишь слегка мутнел у берега, будто нехотя признавая: время его власти подходит к концу. Воздух дрожал от намёков на перемены. Утром мороз кусал щёки, а лужицы, скованные льдом, звенели под ногами, как разбитое стекло. К полудню солнце, хоть и слабое, растапливало верхний слой снега, и хребет окутывался лёгкой дымкой — будто исполин, проснувшись, лениво потягивался. К вечеру ветер, спускаясь с гор, приносил запах хвои и мха, но холод тут же возвращался, замораживая всё на своём пути. Байкал отвечал терпением. Лёд у мыса лишь изредка потрескивал, выпуская пузырьки воздуха. Они застывали в толще, превращаясь в узоры, похожие на морозные цветы — хрупкие, но упрямые, будто зима пыталась оставить последние украшения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.